

Annotation

В окрестностях Шадизара появляется черная пантера, убивающая людей. Конан крадет из храма Митры ожерелье и, наткнувшись на черного зверя, выясняет, что оно — волшебное, с его помощью пантера превращается в прекрасную девушку. Варвар дарит ожерелье девушке. Эмея не забывает Конана — через две луны, сново превратившись в пантеру, она помогает ему избежать смертельной опасности.

- Дункан Мак-Грегор
  - Пантера с изумрудными глазами

0

Пантера с изумрудными глазами

Жигу... ты здесь? Жигу...

В ночной тишине собственный шепот казался испуганному человеку криком. Он присел на корточки, вытирая рукавом взмокший лоб, облизнул пересохшие губы, прислушался. Ни шороха, ни шелеста листьев, ни стрекотанья цикад... Словно вымерло все в предместьях Шадизара. Душная, теплая, но беспросветно черная ночь окутала землю, опустилась на городские стены, на сам город... и на небе ни луны, ни звезд.

- Жигу... теперь уже не прошептал, а, скорее, прохрипел человек, чувствуя, как в животе его что-то начинает бурлить и постанывать. Непослушными пальцами он расстегнул пояс, содрал штаны и, нашупав небольшое углубление в мягкой прохладной земле, уселся над ним, выпучив глаза.
- О, Митра... Ну куда же подевался Жигу... Может, он просто решил подшутить над трусливым напарником и спрятался где-то здесь, в кустах?
  - Жигу...

«Зачем, зачем надо было идти наемником? Мало было дел в Султанапуре? Нет, потянуло сюда, в Шадизар... А все жена! Деньги, деньги, деньги... Монеты! Сам я их чеканю, что ли?» — Он жалобно сморщился, вспоминая большое и жаркое тело жены, свой уютный одноэтажный домик, маленькую сапожную мастерскую, где совсем еще недавно просиживал от зари до темноты, встречая заказчиков, которых у него всегда было вдоволь. Правда, платили они мало, да и откуда деньги у ремесленников и крестьян...

Он снова прислушался. Тишина... О, Митра! Этот дурной, отчаянный Жигу, где он сейчас? Шел рядом, смеялся над его страхами, фонарь, глупец, погасил... Мол, грязная уродина заметит свет и скроется. Да пусть бы она к Нергалу и скрылась! Кому она нужна! Зато теперь ни фонаря, ни Жигу... Что же делать? Вернуться в город, в Шадизар? Нельзя... Десятник попался — зверь, повесит без разговоров! Чтоб его... самого сюда...

Человек встал, с трудом поместил колыхающийся живот обратно в штаны и отошел подальше от этого места: запах стоял одуряющий. Хоть и свое, а все равно противно. Он зачем-то закрыл глаза и, нашупывая дорогу руками, двинулся вперед, осторожно ставя ноги и прислушиваясь. Его громоздкая фигура то и дело натыкалась на ветки деревьев, кусты, камни, и всякий раз он вздрагивал, отчаянно пугаясь и потея. Через два десятка шагов он был уже весь мокрый, словно только что вылез из здешнего вонючего озера. «Жигу...» — беззвучно шептал он и плакал, но вокруг стояла все та же плотная тишина, все та же беспросветная темнота, и больше ничего.

Вдруг вдалеке что-то мелькнуло, и человек едва сдержал радостный вздох. Жигу? Он сделал несколько торопливых шагов навстречу и остановился. Два огромных изумрудных кошачьих глаза с явственно различимой насмешкой плотоядно уставились на него из тьмы. Он пошатнулся, колени его ослабли и подкосились, а в животе снова застонало, засосало, забулькало... Глаза словно нехотя приблизились, на миг замерли прямо перед ним, а потом взметнулись вверх, и на человека обрушилось тяжелое, теплое, черное, как ночь, облако; он всхлипнул, ощущая последний свой вздох, и замер. Жизнь его оборвалась.

Наутро десятник городской стражи с двумя дозорными обходил предместья Шадизара. Сначала воины нашли труп Жигу — молодого, худощавого, черноволосого парня. Душа его уже отлетела на Серые Равнины, а шея его была перекушена острыми клыками, да так, что голова болталась на одной лишь жилке. Спустя недолгое время десятник наткнулся и на другой труп.

— А вот и Ахир... — растерянно пробормотал он, опасливо отходя подальше. Хмурясь, десятник велел унести погибших. Ему вовсе не было жаль ни молодого Жигу, ни пожилого, жирного и трусливого султанапурца. Гораздо больше десятника волновала собственная судьба. Светлейший нобиль Эдарт, под рукой коего ходила вся городская стража, только вчера вызвал его вместе с остальными старшими и приказал увеличить число ночных дозоров за стенами Шадизара. Не раз он повторил, что весьма обеспокоен пропажей людей, что крестьяне снимаются с мест уже не просто семьями, а целыми деревнями, что в самом городе с наступлением темноты жители запираются в домах и боятся высунуть нос на улицу, что...

Нет, всего десятник не запомнил. Он заскучал уже в середине длинной взволнованной речи светлейшего; сдерживая зевки, украдкой рассматривал великолепный зал, считал бронзовые светильники с нефритовыми подвесками, любовался прекрасными клинками, развешанными на коврах, и с ревностью наблюдал за двумя охранниками светлейшего. Вот у кого не жизнь, а сладкий сон! Ешь, пей, гуляй и смотри на благородного нобиля с любовью — вся работа! И живут они наверняка здесь же, во дворце... Эх!.. Десятник обиженно выпятил губу и отвернулся, сцепив руки за спиной. В этот-то момент светлейший и сказал: «...и потому, клянусь богами, вам придется слать больше людей за городские стены. О тех же, кто погиб и кто еще погибнет, будут молится жрецы в храмах Митры, Бела и луноликой Иштар. И это все о них!»

Затем светлейший Эдарт смахнул слезу сожаления, хотя десятник, стоявший к нему довольно близко, мог бы поклясться, что глаза его были совершенно сухие; и поднял руку, отпуская своих верных слуг.

В казарму десятник шел, посвистывая. Он был очень доволен тем, что увидел светлейшего Эдарта, а светлейший увидел его, что впереди еще целый свободный день и можно наведаться в таверну Абулетеса, что из его людей ни один не пропал в ночном дозоре, короче говоря, старому волку, поседевшему в хищной стае шадизарских стражников, жизнь казалась прекрасной. Вчера! Сегодня все изменилось, и изменилось по его же собственной вине. Он и не подумал увеличить дозор, как желал того светлейший Эдарт. Напротив, вместо четырех человек послал всего двух, один из которых труслив, словно коза на сносях. «Был труслив», — поправил себя сам десятник и невольно поежился. Воистину, страшная смерть! Какое-то чудище разодрало двух здоровых мужчин, будто тряпичных кукол! Ладно бы тела были сожраны, так нет! Тварь просто убила и скрылась опять... И где ее теперь найти?

Многое бы отдал сейчас десятник, чтоб чудище это оказалось здесь, перед его глазами. Он бы не растерялся! Его верный меч разрубил бы гадину на сотню кусков!

Десятник поднял левую трехпалую руку... Даже с таким обрубком он был отличным бойцом, что не раз уже доказывал в схватках с шадизарским разбойничьим сбродом. Неужели он не совладал бы с какой-то клыкастой тварью? Совладал бы, справился! Вот только врожденная осторожность подвела его, ведь слышал, что в окрестностях Шадизара пропадают люди! Эх, да что теперь говорить...

...Трупы унесли, а старый воин все еще сидел на земле, покусывая травинку, и думал о

том, как соизволит наказать его светлейший Эдарт. Велит закопать живьем? Или повесить? Или отрубить голову? Все равно... Он давно уже не боялся смерти. Но той твари, из-за которой он должен до срока уйти на Серые Равнины, тоже не жить! Десятник оскалил в злобной усмешке желтые неровные зубы, сжал кулаки и с видимым безразличием поднялся. Меч при нем, веревка тоже, что еще надо храброму воину? Он оглянулся на Шадизар, освещенный ярким солнцем, и решительно зашагал в другую сторону. Светлейший накажет его, но раньше он найдет мерзкую тварь и вырвет ей глаза. А там будь что будет!

* * *

Длинная череда Карпашских гор, неприветливых и хмурых, с запада отрезала Замору от Коринфии. Голые острые вершины и кругые скалы, почти сплошь отвесные, служили отличным препятствием для врага. Редкие и совсем небольшие селенья карпашских горцев дикого, невероятно злобного народца лежали посреди гор, где волей провидения располагались чудные оазисы с узкими ледяными речушками, буйной растительностью и мягкой жирной землей. Тем не менее горцы жили бедно и скудно: клочки земли не могли прокормить всех. Время от времени они спускались вниз, к равнинам предгорий, и совершали набеги на ближние деревеньки, безжалостно вырезая жителей. Но иногда те объединялись, и тогда уже горцам приходилось туго — заморанские крестьяне резали их не менее безжалостно.

Кроме горцев, в скалах обитали змеи и орлы. Этим здесь жилось привольно; люди их не трогали, а пищи было вдоволь: мыши, глупые и толстые куропатки, насекомые, — так что змей и орлов наконец расплодилось тут без числа. И они, подобно карпашским горцам, разбойничали на равнине: нападали на мелкий скот, наведывались в птичники, а порой и просто вредили, то ли из-за дурного характера, то ли со скуки.

Так и жили Карпашские горы своей собственной жизнью, совершенно отличной от прочего света; и казалось, будто не Митра-Творец создал их, а чародейство злобного Нергала. Быть может, лишь землетрясение или вселенский потоп, вроде того, в котором погибла некогда Атлантида, смогли бы нарушить привычную тишину гор...

У подножия одной из них Конан спешился и повел своего низкорослого, но крепкого и широкогрудого конька в знакомую расщелину. Там он привязал лошадь, подтащил поближе огромную охапку травы и отправился по тропинке вверх.

Сначала идти было нетрудно — тропка вилась по горе, незаметно поднимаясь все выше и выше. Но потом она исчезала среди скал, то обрывалась, то появлялась вновь, резко взмывая к вершине так, что путнику приходилось карабкаться по острым камням, проклиная все на свете и беспрестанно поминая Сета и Нергала, прародителей всякого зла. Он и карабкался, упорно и быстро, как подобает киммерийцу, с детства привычному к горам. Правда, поясницу у него ломило: вчера, улепетывая от шадизарских стражников, решивших проверить, чем занимается Ши Шелам, его приятель и скупщик краденого, Конан весь вечер и всю ночь просидел по горло в грязном вонючем озере близ города. Теперь ему казалось, будто тысячи пауков вьют паутину из его жил, а в спину, повыше копчика, вдобавок воткнули раскаленное копье.

Раздраженный болью, киммериец любое препятствие воспринимал как вызов. Временами он еле сдерживался, чтобы не пнуть камень, попавшийся на пути, однако, жалея

сапоги, просто плевал на него. Грива черных спутанных волос то и дело лезла ему в глаза; он откидывал густые пряди, шипел сквозь зубы ругательства и упорно лез наверх.

Наконец тропинка выровнялась. Теперь она, почти не извиваясь, бежала вдоль череды отвесных скал, исчезая за поворотом, и вновь появлялась под ногами молодого киммерийца, когда он одолевал очередное препятствие.

За плечами Конана висел большой мешок, и был он пуст, как торба последнего шадизарского нищего. Он болтался за его спиной, и всякий раз, когда Киммерией вспоминал о нем, настроение его слегка повышалось. Скоро мешок наполнится чудесными самоцветами и золотом, которые с превеликим наслаждением Ловкач Ши Шелам, скупщик краденого, сбудет какому-нибудь заезжему купцу... Пусть по самой грабительской цене, пусть! Но и этих денег хватит, чтобы всласть поесть и попить... Хватит на две, а то и три луны... Впрочем, Конан полагал, что скорей прокутит все до последней монеты в кабаке Абулетеса за пять или шесть дней. Зато повеселиться! И девушки — а они в Шадизаре ох как хороши! — будут любить его каждую ночь. Правда, девушки дорого берут... Но он никогда не жалел денег на свои прихоти.

По молодости лет Конан не замечал, что женщины и без денег готовы подарить ему свою любовь. Его могучие плечи, огромный рост и синие, в пушистых ресницах глаза неизменно привлекали к нему внимание юных, да и не слишком юных дев. А его щедрость, само собой, покоряла их окончательно. Так что в любви он не знал отказа; правда, любовь за плату временами его утомляла.

Но сейчас уютный кабачок Абулетеса, столы, заморанные кислым, но крепким шадизарским вином, заморанские красотки с влекущими томными взорами так ясно всплыли перед глазами молодого киммерийца, что он замер на миг и невольно облизнулся. Но в этот момент валун величиной с голову буйвола с грохотом рухнул рядом с ним, едва не задев плеча. Конан вздрогнул, посмотрел отстраненно на камень-убийцу, и скорым шагом двинулся дальше.

Там, в глубине Карпашских гор, он открыл недавно источник великих богатств. Древний полуразвалившийся храм Митры, почти не охраняемый, привлек его внимание по случаю. Как-то возвращаясь из неудачного набега на караван коринфийских торговцев, он остановился на ночлег между двух приметных утесов, у старой смоковницы, а утром обнаружил, что спал лишь в шести локтях от глубокой норы или, быть может, шахты, пробитой в скале. Осторожный варвар не сразу полез туда; сначала швырнул камень, потом, встав на колени, пошуровал мечом, и лишь после этого, нашупывая ногами зарубки в каменных стенах, спустился вниз.

Оказалось, подземный ход вел в древнее святилище Митры. А там, внутри, в храмовой сокровищнице, чего только не было! Целый склад богатых даров — и драгоценные камни, и груди золота, и дорогие сосуды, и великолепное оружие... Конан набил мешок от отказа, тем же путем выбрался назад и спустя несколько дней уже пропивал добычу с верным Ши Шеламом в кабаке жирного Абулетеса. С тех пор он и повадился сюда, каждый раз возвращаясь в Шадизар богатым человеком и вновь покидая его бедняком.

Тропинка исчезла, и на сей раз совсем, но Конана это не обеспокоило. Он был уже почти у цели. Скалы раздвинулись, словно приглашая путника наведаться в свое каменное царство, и он не заставил себя упрашивать. Вскочив на широкий выступ, киммериец сделал несколько осторожных шагов, оглядел приметные утесы и старую смоковницу, затем, с облегчением вздохнув, улыбнулся и спрыгнул. Подземный ход был перед ним.

Озираясь по сторонам, Конан подтянул короткие штаны, поправил меч, хлопнул ладонью по мешку и исчез в черной дыре.

* * *

Коридор, поначалу узкий, с каждым шагом становился все шире и выше. Скоро киммериец мог идти, выпрямившись во весь свой огромный рост, и то до потолка оставалось не меньше двух локтей. Света, конечно, здесь не было, но Конан и так знал дорогу. Он уверенно шагал вперед, поворачивая там, где требовалось повернуть, пока не оказался в большом прямоугольном зале.

Как всегда, при виде древних сундуков, забитых до отказа всякими драгоценными безделушками и потому открытых, губы юного варвара расползлись в довольной ухмылке. Он исполнил свой обычный ритуал: осмотрел каждый сундучок, не прикасаясь ни к чему, затем запустил руку в один из ларцов и, наслаждаясь, ощупал диадемы, цепи, браслеты, тяжелые золотые фигурки... От камней исходил тусклый свет, особенно от этих, желтых, называемых зрачками тигра... Но искрящиеся золотые украшения тоже выглядели соблазнительными.

К примеру, вот это!

Конан поднял руку и поднес к глазам небольшой диск из драгоценного металла на золотой ажурной цепочке. На диске он разглядел изображение солнца, отчеканенное с одной стороны; другая была покрыта какими-то древними и непонятными письменами. Амулет Митры, не иначе! Возможно, могущественный талисман... Но ценность его для Конана определялась в первую очередь весом; а потому, пожав плечами, он упрятал находку в мешок и, не медля больше, запустил обе руки в ларец. Но не успел он сжать пальцы в горсть, как из глубины подземелья послышались встревоженные людские голоса. И вопили люди то, чего и следовало ожидать:

- Он здесь!
- Держите!
- Разбойник!
- Святотатец!
- Bop! Bop!

Конан выругался, отпрянул к стене, надеясь, что в полумраке его не заметят, но тут в зал ввалилась целая толпа храмовых жрецов. Они освещали дорогу факелами, а в руках каждый держал грозно сверкающий меч либо топор. Обычно жрецы Митры не проливали крови, но обычно их и не грабили. Теперь же случай был особый, и Конан решил не полагаться на милосердие святых отцов.

Помянув недобрым словом Крома, молодой варвар перепрыгнул через ближайший сундук и ринулся бежать, уже не скрываясь. Жрецы взвыли: вор и не подумал повиниться! Они даже не сумели как следует разглядеть его, так стремительно скрылся он в глубине подземного хода. Толкаясь и крича, они кинулись в погоню.

Огромными прыжками Конан несся по темному коридору, проклиная собственную неосторожность. Он мог бы догадаться, что рано или поздно жрецы заметят, как пустеют их сундуки! Теперь наверняка путь в сокровищницу будет закрыт... А жаль! Отличная была кормушка...

Киммериец выскочил из дыры, одним махом запрыгнул на камень, а с него на уступ

скалы; затем, очутившись на знакомой тропинке, побежал по ней. Он не боялся, что его догонят. Жрецы были крепкими мужчинами, но вряд ли они могли состязаться с ним в горах; да и справиться с ними поодиночке или подвое-трое для могучего воина не составляло труда. Однако в глубине души у Конана еще мерцала надежда сюда вернуться, а потому, как он полагал, совсем не обязательно, чтоб его знали в лицо.

Спустя некоторое время он остановился. Преследователей не было ни видно, ни слышно. Скорее всего, они бросили погоню, сообразив, что тягаться в резвости с вором им не под силу. Конан, не страшась прослыть богохульником, сплюнул в сторону храма и не спеша, вразвалочку, двинулся в обратный путь. После стремительного бегства он разогрелся, и в пояснице перестало ломить.

Оранжевое солнце уже спускалось к горизонту; небо чуть потемнело и, кажется, обещало дождь; усилившийся восточный ветер трепал волосы варвара и редкие чахлые кустики на камнях. Вытащив из сумки на поясе кусок хлеба, Конан остервенело впился в него зубами. Да, сегодня ему вряд ли придется попировать! Старый жадный шакал Абулетес не любит отпускать в долг! Хотя успел же он прихватить из сокровищницы золотой амулет... На одну ночь гулянья всяко достанет... Или на полночи...

Утешая себя подобным образом, киммериец спустился с горы и разыскал в расщелине своего конька. Тот приветствовал хозяина добродушным фырканьем; Конан ласково потрепал его по холке огромной тяжелой рукой. Закинув пустую сумку за спину, он вскочил на коня и направил его к дороге, ведущей в город.

Небо темнело, звезды теснили солнце, глаз Митры, за линию гор, вечер постепенно переливался в ночь. Теплый легкий воздух стал душным, что в окрестностях Шадизара означало скорое наступление темноты. Всадник пришпорил конька — ему хотелось поспеть в город до того, как начнут закрывать ворота. Скучно и нудно проводить ночь под открытым небом, одному... Эта мысль, только возникнув, уже не отпускала молодого варвара. Как раз сегодня он мечтал о Зарре, юной красотке, временами навещавшей кабачок Абулетеса. Девушка уже не раз давала Конану понять, что была бы совсем не против познакомиться с ним поближе; глаза же ее обещали знакомство самое близкое. Киммериец ухмыльнулся, представив себе Зарру, ее тонкий стан, густые темные волосы, черные жгучие глаза... Скорее! Скорее в Шадизар!

Наконец его конь очутился на дороге, ведущей в город. Не сразу Конан заметил, что тракт совершенно пуст, хотя сейчас, перед закрытием городских ворот, по нему должны были бы сновать люди, конные пешие, как то наблюдалось всегда. Но обычной вечерней суеты он не приметил, да и вообще ни единого человека тут не было.

Удивительно! Впрочем, меньше людей — меньше взглядов, меньше толков... Он пожал плечами и вновь вернулся к мечтам о красотке Зарре.

Тем временем уже стемнело, полог безлунной ночи распростерся над землей, и Конан понял, что в город ему все-таки не успеть. Это не слишком обеспокоило варвара: в конце концов можно оставить коня у стены, а самому забраться наверх. Лазил он, как кошка, и одолеть неприступную с виду городскую стену ему ничего не стоило. Поэтому Конан лишь снова передернул плечами, выразив таким образом легкую досаду, и спокойно продолжал ехать дальше.

Однако конек его вдруг захрипел, остановился и попятился. Конан дернул повод, но жеребец, словно догадавшись, что нужно седоку, в ответ лишь уперся копытами в землю и запрядал ушами. Киммериец выругался, помянув и Нергала, и Сета, и Бела, покровителя

воров, который уж никак не имел отношения в этой ситуации; затем он спешился, вынул меч и, выставив его перед собой, осторожно двинулся по дороге. К темноте глаза его давно привыкли, так что лежавшую посередь пути огромную черную массу, сливающуюся с ночной темнотой, он видел почти сразу же.

Конан остановился, не зная еще, какую она представляет опасность, но догадываясь, что опасность все-таки есть; присмотревшись, он заметил торчавшую из-под странного препятствия человеческую ногу, обутую в лопнувший сапог, скрюченную трехпалую руку, потом краешек меча... Сообразив, что такие мечи обычно носили шадизарские стражники, Конан замер. Верхняя губа его дрогнула — он не испытывал большой любви к стражникам, но эта неведомая тварь не должна была убивать человека! Потому что сейчас погибший был для Конана именно человеком, а затем уж стражником или Нергал знает кем. Он поднял меч, и вдруг темная масса зашевелилась, дернулась, и на киммерийца уставились два огромных изумрудных кошачьих глаза.

Лениво потягиваясь, сверкая клыками и топорща когтистые лапы, перед ним встала пантера, гибкая, невероятных размеров, черная, словно сама ночная тьма. Она показалась Конану больше вендийских тигров и львов из Черных Земель, что содержались в шадизарском зверинце; такого чудища он еще не встречал!

Пантера раскрыла жаркую пасть; в намерениях ее не приходилось сомневаться, и киммериец, вскинув огромный меч, бросился к зверю. Но хищница лишь повела плечом, и острый клинок, нацеленный верной рукой, прошел сквозь ее плоть, будто была она сотворена из тумана и мглы, а не из мяса и костей. Конан отшатнулся. Зверь зевнул, как бы выразив нападающему свое презрение, затем неторопливо направился к нему.

Во мраке глаза пантеры с вытянутыми вертикальными зрачками сверкали яростно и грозно, обещая нелегкую битву. Конан снова отпрыгнул, отшвырнул бесполезный меч, готовясь уже схватиться с оборотнем голыми руками, но тут что-то помешало ему. Мешок... Инстинктивно киммериец сорвал его с плеча, и в этот момент пантера ринулась на него. Он размахнулся и хлестнул чудище мешком по морде. Еще раз, и еще! Взвыв, зверь остановился, фыркнул, присел на задние лапы.

Странно! Конану показалось, что пантера стала как будто меньше... Она мотала головой и разевала пасть, словно ей не хватало воздуха. Не теряя времени, он размахнулся снова. Удар пришелся хищнице по голове, и на этот раз Конан был уже твердо уверен, что она уменьшилась в величине. Теперь это была самая обычная пантера, раза в два поменьше вендийского тигра. Киммериец хмыкнул, удивленный, и начал лупить зверя мешком, с удовольствием наблюдая, как с каждым ударом тот становится все ниже, все меньше, все ничтожней...

- Мм-рау! подал наконец голос оборотень, похожий сейчас больше на обыкновенную черную кошку. Конан опустил мешок, подошел к странной твари она сжалась при его приближении и железными пальцами ухватил ее за хвост.
- Ну, отродье Нергала, проворчал он, и на что ты годишься? Жрать шадизарских стражников? Так я не из их своры!
  - Мм-рай... мр-рр жалобно раздалось в ответ.

Конан ухмыльнулся, сунул добычу в мешок, завязал его, поднял меч и возвратился к своему коньку.

— Что, приятель, сдурел со страха? Правду говорят, страшнее кошки зверя нет... Отвезу Шиламу в подарок! Пусть давит крыс в его хибаре, а при случае и стражников! — Он тряхнул

перед мордой коня мешком, огляделся и в задумчивости добавил: — Ночь пришла, ворота уже заперты, а у меня пропала охота лазить по стенам, даже чтоб поглядеть на Зарру. Нергал с ней, Заррой! Давай-ка устроимся где-нибудь тут... подождем рассвета...

Конан свел коня с дороги, расседлал, расстелил на земле попону и улегся на ней. Спать... Ему очень хотелось спать.

* * *

Перед рассветом он открыл глаза. Свежий утренний ветерок уже гулял в предместьях Шадизара, ночь растворялась в сиянии зари, и небо, светлея, будто бы поднималось вверх и ожидало, когда солнце, светлый глаз Митры, поднимется из-за степного окоема.

Киммериец с наслаждением вдохнув чистый воздух, вскочил на ноги и зачерпнул с трав пригоршню росы. Но только он поднес ее к лицу, намереваясь то ли напиться, то ли умыться, как взгляд его упал на мешок. Он как-то странно увеличился, раздулся, и Конан замер в недоумении. Может, все вчерашнее приснилось ему? Может, он все-таки прихватил кое-что из сундуков в храмовом подземелье?

Мягко ступая, он подошел к мешку, пнул его легонько, в надежде услышать сладостный звон золота, но вместо этого из мешка донеслось нежное урчание, и мешок зашевелился, как живой. Конан разочарованно хмыкнул, встал на колени и развязал веревку.

Он не подал вида, хотя весьма удивился, наблюдая, как из мешка высунулись сначала белые гибкие ручки, потом показалась грива черных шелковистых волос... через несколько мгновений перед молодым киммерийцем предстала красивая, невысокая и хрупкая на вид девушка. Она была нагой и казалась совсем не страшной; на губах ее играла робкая улыбка. От внимательного и жадного взгляда Конана не ускользнуло ничего: ни ее тонкий, но сильный стан, ни маленькие упругие груди с розовыми сосками, ни затаенный блеск изумрудных кошачьих глаз.

- Клянусь Кромом, пробурчал он. Клянусь Кромом, ты и есть та самая зверюга!
- Была, поправила девушка. Теперь уже нет. Теперь я Эмея! А ты кто?
- Конан. Из Киммерии.
- Не слышала о такой земле, девушка покачала головкой, разглядывая огромную фигуру варвара. Мир велик! и в нем встречаются всякие люди... Одни меня сгубили, а ты меня спас.
- Спас тебя? ухмыльнулся Конан. Скорее, я спас кого-то от тебя, красотка. Прошлым вечером ты, сколько я помню, в помощи не нуждалась.
  - Нуждалась. Боги видят, как нуждалась!
- Ну, коли теперь не нуждаешься, то отдай-ка мне вот это, киммериец протянул руку и коснулся краденного амулета, висевшего на нежной шее девушки. Золотой диск тускло посверкивал как раз между ее грудей.

Эмея отшатнулась. Улыбка ее на миг исчезла, она прижала ладошкой талисман и умоляюще посмотрела на варвара.

- Прошу тебя, Конан из Киммерии, не отбирай у меня это! Не отбирай! Я все тебе объясню!
- Объясни, согласился Конан, усаживаясь на землю. Если нет ни мяса, ни вина, так можно послушать какую-нибудь байку. В благодарность за спасение!

— Я могу отблагодарить тебя не только байками — вдруг шепнула она.
— И что ты можешь мне дать? — насмешливо поинтересовался Конан.
Эмея зарделась и опустила взгляд.
— Хмм — пробурчал Конан после некоторого раздумья и принялся стаскивать
куртку. — Ты красивее Зарры! — сообщил он. — И ты, клянусь Кромом, знаешь, как надо
благодарить мужчину!
Спустя некоторое время киммериец выпустил девушку из крепких объятий. Щеки его
разгорелись, синие глаза пылали, а про боль в пояснице он уже и не вспоминал.
— Да, ты умеешь благодарить мужчин, — довольно буркнул он. Правда, Нергал меня
побери, не могу взять в толк, чем я тебе удружил, красотка.
— Чем? — Эмея удивилась. — Ты сделал меня человеком!
— Ты что же, не человек? — Конан быстро сел, и рука его непроизвольно потянулась к
мечу.
— Разумеется, человек Но — Девушка запнулась и с сомнением посмотрела на
огромного киммерийца.
— Выкладывай! ты обещала мне все рассказать.
Он устроился поудобней, приготовясь слушать, и Эмея, поколебавшись уже только для
приличия, начала.
— Ты знаешь, кто такие дайши, Конан-киммериец?
— Нет
— Мы живем здесь, в горах, но очень высоко. Вряд ли кто-нибудь из людей может
забраться на наши вершины
 Я смогу, — уверенно заявил Конан. — Нет гор выше и круче, чем в Киммерии.
 Если ты будешь меня перебивать, я не скажу ни слова.
— Клянусь Кромом, в последний раз, — пряча усмешку, проворчал варвар. Он был
молод и любопытен, а после мгновений любви что может быть лучше хорошей истории?
Даже мясо и вино ее не заменят.
— Ну, хорошо! Слушай же, Конан-киммериец — Эмея облизала пухлую нижнюю
губку. — Дайши, мое племя — чародейки ведьмы, как нас называют завистники и
глупцы Мы можем превращаться в зверей и птиц, можем вызывать дождь и бурю, наводить
порчу и лечить Не веришь? Хочешь, я вызову бурю?
Конан отрицательно помотал головой; буря была ему решительно ни к чему.
— Мы многое можем! — продолжала девушка. — Но мы никому не причиняем вреда,
коль нас не трогают. Но люди равнин, увы, алчны Колдунья-дайши стоит огромных денег!
Ты даже не представляешь, каких Много лет назад слизняки с равнин стали за нами
охотиться. Боятся, но охотятся! Поймать дайшу очень непросто и опасно, зато если удастся
это сделать
ото сделать Она помолчала, потом, увидев, что Конан слушает внимательно и без усмешки,
Она помолчала, потом, увидев, что Конан слушает внимательно и без усмешки, решилась продолжать. — Видишь ли, мой храбрый воин, есть одно странное заклятье, и против него мы
Она помолчала, потом, увидев, что Конан слушает внимательно и без усмешки, решилась продолжать. — Видишь ли, мой храбрый воин, есть одно странное заклятье, и против него мы бессильны. Но для начала надо все-таки поймать! — Эмея вскинула на киммерийца свои
Она помолчала, потом, увидев, что Конан слушает внимательно и без усмешки, решилась продолжать. — Видишь ли, мой храбрый воин, есть одно странное заклятье, и против него мы

тряслась по дороге... Есть мне не давали, и пить тоже. Солнце жгло меня, ветер засыпал

Изумрудные глаза Эмеи блеснули.

пылью лицо... И только когда наступили сумерки, я почувствовала, что начинаю приходить в себя. Раньше я будто быв пребывала в снах... в жутких снах... в голове туман, глаза словно затянуты пленкой из бычьего пузыря... но с наступлением темноты мне стало легче. И тогда я вспомнила одно заклятье. Страшное заклятье... Могущественное! Но... но... передо мной встал выбор: или превратиться в зверя и выйти на волю, или остаться человеком-рабом... потехой для какого-нибудь слизняка... и я выбрала первое! Я превратилась в зверя, в жуткого зверя! Неуязвимого! Плоть его туман, клыки смерть, когти, гибель... Я разломала решетку, перегрызла глотки охотникам и убежала.

— А потом принялась бродить в здешних краях и грызть шадизарских стражников? Или не только их? — мрачно поинтересовался Конан.

Эмея пожала плечами.

- А что я могла сделать? Я ведь была зверем! Зверем, который желал отомстить обидчикам! Всем, сколько есть их в этом смрадном Шадизаре!
- Хорошо, что я не шадизарец, Конан качнул головой. Ну, и что теперь? Что ты будешь делать теперь?
- Теперь? Уйду к своим, конечно! Но... но... она запнулась, только с этим амулетом я сохраню человеческое обличье... Ее изумрудные глаза сделались умоляющими. Ты не отдаешь мне его, Конан-киммериец?
- Хитры женщины, подумал Конан; иногда они благодарят за услугу, коей им еще не оказали. Но воспоминанья о ласках Эмеи были для него дороже золотой побрякушки, пусть и волшебной. А потому он махнул рукой:
  - Бери! Тебе эта штука нужнее.
- Благодарю тебя, мой храбрый воин, с видимым облегчением произнесла Эмея и вдруг хихикнула. Ты не испугаешься, если я тебя еще кое о чем попрошу?
- Проси, сказал киммериец, удивляясь собственной щедрости. Впрочем, кроме коня, меча да пустого мешка у него больше ничего не было.
- В горы я хочу уйти пантерой, так безопаснее, сказала девушка. Не сомневайся, больше я никому не причиню зла, я пойду там, где не может пройти человек.
  - Я могу, упрямо сказал Конан, и девушка засмеялась.
- Да, ты можешь, мой воин, ибо нет гор выше и круче, чем в Киммерии! Но и в наших горах тебе бояться нечего... А сейчас возьми талисман, и когда я обернусь пантерой, вложи мне его в пасть. Я вернусь к своим, а там снова надену его и стану человеком.
  - А эти... эти твои дайши... они не смогут тебя...
- Нет, быстро сказала Эмея, сразу догадавшись, о чем ведет речь ее спаситель. У каждой дайши свое заклятье, Конан. Я свое забыла, а потому мне придется до самого конца носить твой амулет и... и до самой смерти помнить о тебе...
  - Кром! Ты не первая из женщин, обещавших мне это!

Усмехнувшись в ответ на его похвальбу, девушка подошла ближе и легонько коснулась пальцами мощного плеча Конана. На миг его синие глаза утонули в изумрудном омуте; потом Эмея медленно принялась снимать амулет.

Он смотрел на нее с жалостью, смешанной с невольным отвращением. Сначала все тело девушки покрылось черной густой короткой шерстью; потом светло-розовые ногти на руках и босых ногах вытянулись и изогнулись, тело конвульсивно дернулось несколько раз и...

Конан отвернул лицо и прикрыл глаза. Нет, ему не было страшно! Но видеть, как превращается в жуткого зверя девушка, которую он любил этим утром, ему не хотелось.

— Хр-р-р... — тихое басовитое урчание раздалось за его спиной. Киммериец повернулся. Перед ним, поднимая пыль плавными взмахами хвоста, стояла огромная черная пантера. Она разевала алую жаркую пасть, полную белоснежных острых зубов, и грозно смотрела на варвара, как бы говоря ему: «Ну, что же ты застыл, Конан из Киммерии? Давай амулет! Давай скорее, или я не выдержу и разорву тебя в клочья!»

Он протянул руку, в котором был зажат золотой диск, и сунул его в пасть зверя. Острые зубы пантеры осторожно сомкнулись, сжимая талисман и мягко проскальзывая по руке киммерийца; затем черное гибкое тело выгнулось, пантера вильнула хвостом и стрелой понеслась прочь. Несколько мгновений спустя она скрылась из глаз в зарослях колючего кустарника. Конан остался один.

* * *

— Кром, зачем меня снова понесло сюда? — вопрошал киммериец, сидя в расщелине скалы. — Не проще было взять караван или тряхнуть подходящую лавку в Шадизаре? Нет, полез на прежнее место! Сказано де, не топчись там, где след твой уже унюхан псами!

В ярости Конан треснул кулаком о камень и зашипел — боль была сильной, однако отрезвила его. Кром! Облизывая кровь с руки, он припомнил и повторил все известные ему проклятья, оскорбил Нергала, Сета, луноликую Иштар и даже Бела, покровителя воров, за то, что тот не справился со своим долгом. Наконец, немного успокоившись, киммериец стал размышлять над тем, как выбраться из капкана.

Прошло уже две луны с тех пор, как Конан последний раз наведывался в горный храм Митры. За это время он неплохо подзаработал, сбывая награбленное через Ловкача Ши одному толстосуму, платившему поболе других. Но как—то в случайной уличной драке его благодетеля, смирнейшую овечку, приняли за бандита Айрама и прирезали без всякой жалости. А ведь тот всего лишь проходил мимо! Правда, он и в самом деле похож на Айрама, подумал тогда Конан, со вздохом принимая очередной удар судьбы — толстосум перед гибелью не успел заплатить им с Шиламом за поставленный товар.

И после того он решил «видно, Бел отвернулся от него в тот несчастливый день!» снова запустить руки в сундук Митры. Конечно, он понимал, что в святилище наверняка ждет засада; слишком многое было им взято, и жрецы вряд ли позволят поживиться еще раз. Но Конан был уверен в собственных силах, а сокровища Митры никак не давали ему покоя; и потому, распростившись с верным Ши Шеламом, он вновь оседлал своего конька и отправился по знакомой дороге прямо в Карпашские горы.

Солнце в тот день посылало на землю мягкие нежные лучи, а легкий ветерок ласково ерошил гриву спутанных конановых волос. Все начиналось так хорошо! А теперь он сидит в узкой расщелине у гремящего водопада и не знает, как отсюда выбраться. То-есть знать-то он, конечно, знает, но... но выбраться не может. Целая толпа диких горцев, нанятых хитрыми жрецами и вооруженных до зубов, перекрывала ему дорогу вниз, к равнине.

На самом деле Конану повезло, если можно назвать везением просиживание штанов на скалах. Горцы — народ дикий, невыдержанный; к счастью, они не смогли дождаться, пока вор влезет в нору, и с воем ринулись на него, когда он только опустил туда ногу. А как было бы легко словить святотатца в подземелье! Зайти с двух сторон и надавить массой... или зарубить... или заколоть...

Но Митра милостив, даже к грабителям, и сей исход Конана миновал. Ему даже не хотелось думать о таком! Как и о бегстве, когда пришлось улепетывать со всех ног и без добычи... Но что было делать, когда пятьдесят разъяренных горцев бросились к нему с обнаженными клинками? Бежать, разумеется, и как можно быстрее! Настоящий воин (Конан был в этом убежден) должен знать, когда сражаться, а когда бежать. И бегать ему полагается хорошо; не просто хорошо, но и своевременно, ибо лишь так иногда удается спасти свою жизнь. А жизнь на дороге не валяется, ее не купишь ни за какие деньги, а потому лучше беречь ее, беречь любыми способами, если, конечно, она хоть немного дорога.

Поэтому Конан помчался что было сил, не приняв боя. Знакомой тропкой он успел пробежать совсем чуть-чуть, и дорогу ему снова преградили горцы. Видно, проклятые жрецы наняли их целую сотню! Впрочем, Конану некогда было их пересчитывать; он выхватил меч, снес голову ближайшему преследователю и кинулся в другую сторону.

Через некоторое время он заметил, что дикари отстали и, кажется, не собираются его догонять. Тогда он отправился дальше, незнакомыми тропами, с тревогой прозревая худшее — тупик. Так оно и вышло; его загнали в тупик, откуда не было иного выхода, кроме как обратного пути. А там горцы его и поджидали, в этом Конан не сомневался. Однако на всякий случай решил проверить.

Он осторожно повернул назад, скользя меж скал, как змея, и вскоре наткнулся на преследователей. Их стало еще больше, и, сообразив, что пленник никуда не денется, они решили поджидать его у выхода из ущелья. Конан выругался и побрел обратно.

Теперь он сидел в расщелине и размышлял, как ему спасти свою жизнь. Все же то было самым дорогим из имевшегося у него и сдаваться на милость победителям (а милосердием горцы не уступали Нергалу) он не собирался. У него был лук, но лишь с двумя стрелами, и к тому же стрелком Конан был неважным. И все же с близкого расстояния обе его стрелы попадут в цель! Но всего две! А горцев, по крайней мере, три-четыре десятка... Что делать с остальными? рубить? Меч, конечно, отличное оружие, а в умелых руках тем более, но... Опять «но»! За спиной у Конана в этом бою будет глубокая пропасть, а у горцев твердая земля...

Обдумав все, он понял, что выбраться отсюда живым у него нет никакой возможности. Ведь не может же он, в самом деле, взлететь! При этой мысли Конан сморщился. Неплохо было бы воспарить прямо к светлому оку Митры, да грехи не отпускают. Ну что ж, придется драться... Десятерых — а повезет, так больше! — он отправит на Серые Равнины. А потом погибнет сам, как и полагается воину, сыну Крома.

Решив не затягивать дело, он осторожно двинулся вперед. Очутиться перед врагами неожиданно — уже удача, можно выиграть время и уложить двоих-троих... Пригнувшись, он скользнул по узкому уступу, медленно и плавно спустился вниз, нырнул между камней и замер.

Пещера? Несомненно, перед ним была пещера! Конан сунул голову в черный провал, но сразу с разочарованием отпрянул. Не пещера, а одна видимость! Здесь бы поместилась разве что его нога... Вздохнув, он двинулся дальше. Он крался по камням так мягко и бесшумно, как леопард, выслеживающий глупую антилопу; водопад гремел за его спиной, змеи скользили по камням, а в поднебесье парили орлы. Вот уже показались черноволосые головы горцев; их горящие глаза настороженно общаривали скалы.

Конан тихо выругался и поднял лук.

— Воин... киммериец... — негромкий зов за спиной заставил его вздрогнуть. Он

обернулся. Возле пещеры, на фоне темного провала, возникла тонкая невесомая девичья фигурка — нагая, смуглая, в ореоле темных волос, с золотым диском, сиявшим и светившимся меж острых грудей. Она стояла там и улыбалась; но не смущенно, как в первую их встречу, а с каким-то радостным и победным торжеством.

— Эмея! — Он совсем забыл о ней, забыл о встрече близ шадизарского тракта, забыл о странном племени дайши, забыл даже о ее поцелуях... И не мудрено! Прошло целых две луны, большой срок, а с тех пор красавица Зарра не раз побывала в его объятьях. Хорошая девушка, хоть и не чародейка... жаль что больше им не свидеться.

Конан попробовал, легко ли выходит меч из ножен, и буркнул:

— Кром! Ты-то как тут оказалась, зеленоглазая?

Эмея тряхнула головой.

- Ты спас меня, киммериец, теперь мой черед. Теперь я помогу тебе.
- Поможешь? Как?

Она загадочно улыбнулась и промолчала. Конан, выглянув из-за обломка скалы, еще раз пересчитал врагов. Сорок ублюдков, никак не меньше... Чем ему поможет нагая девушка? Будь она хоть трижды колдуньей?

Он покосился на ее безмятежное лицо.

- Откуда ты узнала, что я здесь?
- Это мои горы, Конан. Не забудь, я дайша. Мы многое умеем! И ничего не забываем ни зла, ни добра.
- Вот и прошу тебя добром: уйти, откуда пришла! сказал Конан. Мне и себя-то не оборонить, красавица! А тебя и подавно!
- Здесь, она плавно повела рукой, обозначив обрывистые стены ущелья, гремящий водопад и темные утесы, здесь, Конан из Киммерии, мне не нужна защита. Здесь я сама могу защитить. Тебя!
- От них? Конан кивнул в сторону торчавших над камнями черноволосых голов. Их сорок! Сорок ублюдков с топорами и клинками! А ты безоружна!
- Разве? она снова усмехнулась. Ну, если не хочешь, чтоб я тебя защищала, давай сражаться вместе. Твой меч, мои клыки...
- Клыки? Он уставился на нее во все глаза, потом хлопнул себя по лбу. Клыки, конечно! А еще когти и плоть, подобная туману. На миг он увидел перед собой не тонкую хрупкую девушку, а чудище с алой разверстой пастью и зрачками цвета изумруда.
- Какой же ты недогадливый, Конан из Киммерии... Эмея покачала головой и засмеялась. Сейчас мы отправимся к тем камням, где тебя поджидают слизняки, а потом ты уйдешь к себе на равнину. Уйдешь, и никто не посмеет прикоснуться к тебе. Некому будет прикасаться! Она положила ладошку с тонкими пальцами на золотой солнечный диск. У тебя есть мешок? Ну, так возьми мой амулет и спрячь туда. Спрячь как следует. Но ненадолго!

Конан протянул руку.

Через мгновенье над расселиной и бурыми утесами, заглушая грохот водопада, раздался протяжный и грозный рык пантеры.

